

DOI: 10.31857/S086904990016458-5

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original Article

Нация и легитимность¹

© И.Е. ДИСКИН*

Дискин Иосиф Евгеньевич, Институт прикладных политических исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия),
Idiskin9@gmail.com

Аннотация. Легитимность отечественной институциональной системы можно назвать важным фактором политической стабильности и условием для решения актуальных задач социально-экономического развития. На легитимность сегодня оказывает негативное влияние ряд новых факторов. Следовательно, необходимо разработать объяснительную схему об условиях выработки мер упрочения легитимности. Прежде всего, важно выделить институты легитимации институциональной системы. Исторический и трансформационный анализ показывает, что в условиях секулярного общества нация выступает институтом такой легитимации. Одновременно «нация» как социальный институт выполняет функцию интеграции ценностей и социальных интересов, которые выступают значимым фактором эффективности институциональной системы.

Ключевые слова: легитимность, исторический анализ, трансформационный анализ, нация, социальный институт, ценности, социально-экономические интересы.

Цитирование: Дискин И.Е. (2021) Нация и легитимность // Общественные науки и современность. № 4. С. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5

Nation And Legitimacy

© I. DISKIN

Iosif E. Diskin, Institute for Applied Political Studies of Higher School of Economics University (Moscow, Russia), Idiskin9@gmail.com

Abstract. The legitimacy of the domestic institutional system is a significant factor of political stability and an important condition of solving current socio-economic development problems. Several new factors negatively influence legitimacy. An explanatory scheme is needed of the conditions for developing

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках проекта РФФИ 21-011-31887 опп. Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения.

Acknowledgments. The article was prepared with financial support of RFBR, project number 21-011-31887 “The Legitimacy of the Russian Socio-Political System: Problems, Specifics, Ways of Consolidation”

effective measures to strengthen legitimacy. First, it is important to highlight institutions of institutional legitimization. Historical and transformational analysis shows that in a secular society the nation is the institution of such legitimation. At the same time, the "Nation" as a social institution functions to integrate values and social interests, which are significant factors in the effectiveness of the institutional system.

Keywords: legitimacy, historical analysis, transformational analysis, nation, social institution, value, social interests.

Citation: Diskin I. (2021) Nation And Legitimacy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.4, pp. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5 (In Russ.)

Актуальность. В последние годы легитимность государственной власти и институциональной системы стала предельно актуальной проблемой и находится в фокусе идейно-политической борьбы. Исходной для нас здесь служит позиция Ю. Хабермаса: «Притязания на легитимность связаны с социально-интегративным сохранением нормативно сформированной социальной идентичности» [Habermas 1979, 182]. Данная статья ориентирована на институциональный анализ, в качестве определения легитимизации будет использована концепция Т. Парсонса: «Функция легитимации независима от операционных функций социальной системы. Никакой нормативный порядок никогда не может являться самолегитимирующимся в том смысле, что одобренный или запрещенный способ жизни автоматически рассматривается как правильный или независимый безо всяких объяснений» [Парсонс 1993, 103]. Обвинения власти в нелегитимности ныне стали стандартным приемом борьбы [Манойло, Стригунов 2020].

За последнее время сменился вектор влияния факторов, которые ранее подкрепляли легитимность институциональной системы:

- Стагнация экономики привела к кризису социальных ожиданий. Ожидания устойчивого роста благосостояния у населения обрушились, что привело к обостренному восприятию социально-экономических проблем.
- Изменились ценности россиян. По данным ВЦИОМ, сегодня две трети граждан оценивают существующую систему как «несправедливую». Тревожность массового сознания, которая появилась в результате пандемии коронавирусной инфекции, привела к росту аффектированных реакций.

Сократились возможности использовать «заимствованную харизму»². Многие популярные лидеры заняли нигилистическую позицию и оказывают жесткий моральный прессинг на «лоялистов». Яркий пример – «казус Анны Федермессер»: общественный деятель, который претендовал на роль гражданского лидера, в результате прессинга отказался от участия в выборах.

В четвертый раз за историю России значительная часть интеллигенции стала считать неприличным высказываться в поддержку действующей власти³. Здесь важна не относительная немногочисленность данной группы, но общественная реакция двух противостоящих полюсов общественного мнения. Данные настроения стали заметным фактором влияния на нравственный климат и, соответственно, на легитимность системы.

Среднесрочные риски подрыва социально-политической устойчивости не слишком велики. Однако и игнорировать их было бы непростительной беспечностью.

² Так, советская система, которая испытывала дефицит легитимности, активно использовала харизму выдающихся деятелей науки и искусства, согласившихся на сотрудничество. Ради их поддержки власть была готова закрывать глаза на действия, абсолютно недопустимые для функционеров и простых граждан.

³ Такая ситуация была характерна для конца XIX века – начала и 80-х годов XX века. Каждый раз она вызывала социально-политическую дестабилизацию.

Важной особенностью отечественной общественной системы, которая определяет ее легитимность, можно назвать высокое значение нравственного измерения [Дискин 2021]. В связи с данной особенностью подрыв нравственного фундамента легитимности социально-политической системы представляет собой основной источник социально-политической напряженности и рисков.

Проблема легитимации не исчерпывается ее влиянием на социально-политическую систему. При снижении легитимности завышаются оценки социально-политических рисков, в результате чего падает инвестиционная активность и деловая активность в целом. Жизненные планы населения становятся более неопределенными, что не способствует его социально-экономической активности. Снижение легитимности приводит к тому, что оппортунистическое поведение становится более приемлемым. Так, в 1990-х гг. нарушение правовых и нравственных норм зачастую представляли напоказ, демонстрируя «неприкосновенность» и высокий социальный статус.

Признание легитимности институциональной системы можно назвать важной предпосылкой для позитивной внутренней мотивации основных ее акторов. Без нее институциональное функционирование может полагаться лишь на внешний контроль, прежде всего, на правовые репрессии. Однако его ресурс ограничен: он может работать при использовании простых инструментов, но отказывает в сложных случаях. Соответственно, переход к современным средствам регулирования требует высокого уровня легитимности институциональной системы [Дискин 2016].

Представляется, что поддержка институциональной системы сегодня больше основана на инерционной легитимности, на опасениях большинства, что крушение стабильности приведет к неприемлемым рискам для их благосостояния и безопасности. Тем не менее, крайне неосмотрительно полагаться на такую легитимность, так как кардинальный слом норм жизни, как показывает исторический, да и наш недавний опыт, может подорвать ее основы [Российский прорыв... 2019]⁴.

Таким образом, актуальность проблемы обусловлена как вызовами стабильности, так и задачами развития страны.

Поиск концепта. В сложившихся условиях необходимо найти пути упрочения легитимности отечественной институциональной системы, которые будут основаны на адекватной теоретической концепции. Попытки обойти эту логику чреваты рисками. Можно поспорить со знаменитым тезисом К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955]. Попытки изменить мир, не объяснив его предварительно – все равно, что кувалдой чинить часовой механизм.

Важным подспорьем здесь может стать исторический опыт. Проблема легитимности власти традиционно была одной из ключевых. Например, в древнем Китае вопрос о легитимности решался через «небесный мандат». Утрата такого мандата подрывала легитимность власти и добавляла ее народным восстаниям.

Религиозная санкция была важнейшим условием легитимности. Ее символом был священный обряд «помазания на царство». Посягательство на особу, которая прошла через этот обряд, рассматривалось как попрание основ христианства. Католическая Европа восприняла казнь Марии Стюарт как такое попрание и легитимный *casus belli* против «безбожной» Елизаветы I. Даже республики средневековой Европы заботились о своей религиозной легитимации и соответствующих санкциях римских первосвященников.

⁴ «Виден реальный риск, что социальное нетерпение части дезориентированного, но достаточно активного общества может создать социально-политические напряжения, сорвать реализацию задач российского прорыва, еще до того, как большинство сможет почувствовать реальные благие перемены в качестве своей жизни, в реализации своих запросов и ценностей». Специальный доклад Общественной палаты РФ «Российский прорыв и задачи гражданского общества». М. ОП РФ. 2019.

Приведенные примеры говорят о том, что легитимность была укоренена в нравственных представлениях того времени.

Процессы секуляризации изменили ситуацию: начались поиски новых оснований легитимации власти. Выдвигались различные компромиссные концепции, основанные как на сохранении роли религии, так и на усилении значимости рационализированной нравственности и легальности.

Упомянутый приговор Марии Стюарт был основан на принципе, что никто не может быть выше закона. Нужно по достоинству оценивать значение данного революционного шага английского парламента. Решение законодателей утвердило легальность как незыблемый приоритет, привело к появлению нового государственного порядка, связанного с обращением к Разуму. Становление данного порядка поставило в повестку дня проблему поиска новых, секулярных оснований легитимации. Великая французская революция радикально порвала с религиозными основаниями легитимности и выдвинула идею о кардинально новом источнике легитимности – «нации».

Алексей Миллер в своей публичной лекции так характеризует рассматриваемый процесс: «То, что называется современным понятием «нация», возникает во Франции, в контексте Великой французской революции, где говорится о нации как о единственном легитимном источнике власти и права. Это было вполне революционно, потому что прежде власть происходила от Бога. Было божественное право, и тут оказалось, что нация – это суверен» [Миллер 2020].

В данной трактовке легитимность вновь стали рассматривать как более фундаментальную, нежели легальность, основу власти. Место Бога заняла нация. Подобное понимание, среди прочего, заложило основы для прочной легитимации революции. Появление новой концепции легитимации власти и, соответственно, государственных институтов породило дискуссию о природе нового субъекта легитимации.

Для нас важна соответствующая российская традиция. Тот же А. Миллер так отвечает на вопрос о российском генезисе понятия «нация»: «И тогда впервые люди занялись определением в русском контексте – что такое нация? Юрист государственной школы А.Д. Градовский пишет о народности как о «совокупности лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого. И эта совокупность имеет право образовать особую политическую единицу». И.В. Сталин намного позже определял нацию так: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только наличность всех признаков вместе взятых дает нам нацию» [Миллер 2020].

В том же русле определяет национальное государство академик В.А. Тишков. Он выделяет следующие характеристики: общая хозяйственно-экономическая основа; контролируемая центральной властью территория; общие ценности и культурные основы для большинства жителей страны [Тишков 2010].

Однако концепт нации как источника легитимности ставит проблему выявления сущности данного социального феномена. Приведенные выше определения ориентированы на задачи выявления границ государственных образований, а также на характеристики, которые позволяют отграничить нацию, установить ее географические и этнические рамки.

Такая фокусировка вполне объяснима. Ее можно назвать реакцией на волну национально-освободительных движений и революций, которая началась в Европе с середины XIX века. Вопрос границ, которые отвечали бы требованиям национальной целостности, был наиболее острой проблемой политической жизни Европы того времени.

Вместе с тем приведенные выше определения не затрагивают вопрос о сущности «нации». В рамках данного обсуждения нас интересуют как раз ее сущностные характеристики. Мы вряд ли сможем продвинуться в понимании роли и функции «нации», не выходя за пределы исторического или этнографического дискурса.

Нация – институт легитимации

Субстантивный ответ, как представляется, лежит в парадигме институциональной социологии, которая характеризует структуры, отвечающие за социальное функционирование.

В рамках такого подхода функционал «нации» определяется как источник легитимности власти. Такой ответ ставит ее в один ряд с другими источниками легитимности: религией, харизматическим лидером, «помазанниками Божиими», обладателями «мандата неба» и т.д.

Согласно данной логике, «нация» находится в одном историческом и функциональном ряду с институтами-источниками легитимности и также может считаться социальным институтом, который ее генерирует. Похожесть функций указывает на сходство социальной природы структур, которые данные функции реализуют. Здесь можно провести аналогию с «институциональным изоморфизмом» – понятием, которое предложили неoinституционалисты [Ди Маджио, Пауэлл, 1983]. Оно означает схожесть социальных институтов или структурную эквивалентность институциональных элементов, которые занимают «схожие позиции в социальной структуре».

Напомним определение классика институционализма Дагласа Норта: «Институты – правила, механизмы обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [North 1990, 239].

Такой взгляд также дает возможность связать смену источников легитимности с процессами социальной трансформации [Дискин 2021]. Смена этапов социальной трансформации и основных механизмов социального регулирования служат предпосылкой для изменения социальных механизмов легитимации. Так, снижение роли религиозных норм и санкций, усиление влияния секулярных ценностей и рационального выбора меняют и основания легитимации. Выше мы уже рассматривали данный процесс на примере казни Марии Стюарт.

Трансформационные изменения приводят к тому, что меняются и социальные институты, которые обуславливают легитимность.

Такой подход к определению «нации» «расколдовывает» феномен, позволяет преодолеть романтические иллюзии и догматизм. Открываются новые теоретические возможности для анализа функционирования «нации», появляется возможность дать эмпирический ответ на многие вопросы о таком функционировании.

Так, например, институциональный подход предоставляет возможность поставить вопрос о регуляторном влиянии «нации» и его факторах. Важно оценить, в какой мере ценности, нормы и представления, которые составляют сущность национального самосознания, оказывают влияние на жизненные ориентиры общества, на деятельность его слоев и групп.

При обращении к институциональному подходу мейнстримные показатели и признаки «нации» выступают функциональными условиями реализации рассматриваемого критерия.

Здесь также открывается возможность для анализа легитимных источников ценностей, норм и представлений. В результате формируется путь для функционального анализа социокультурных регуляторов нации: традиций, исторического, культурного и религиозного наследия и, конечно же, морали.

Возможность анализа ресурсов упрочения легитимности выступает дополнительным аргументом для использования институционального подхода. Его важность связана также с тем, что речь идет о неформальном институте. Однако неформальный характер «нации» как института не означает его априорно низкую регулятивную мощь. Напротив, при определенных условиях нация способна решать те задачи, которые не под силу какому-либо формальному институту.

Чтобы «нация» как социальный институт могла порождать легитимность, она, по аналогии с другими легитимирующими институтами, должна генерировать, по выражению Э. Шилза, «институционализированную харизму» [Shils 1978, 266]. «Нации» необходимо внушать членам сообщества веру в ценности и представления, которые представляются имманентными для нее и значимыми для ее членов с реальными регулятивными возможностями. Социальное воздействие таких представителей сообщества обеспечивает генерацию и трансляцию «институционализированной харизмы».

За данным выводом стоит сложная картина взаимодействия ядра ценностей, мифов и представлений, которые определяют специфику «нации», с социальными слоями и группами, влияние которых обеспечивает «институционализированную харизму».

Можно вспомнить пример, когда элиты Франции 30-х годов прошлого века, которые соревновались в реваншистских лозунгах, оставили страну на поругание захватчикам. Понадобилось историческое чудо в лице полковника (вернее, временного бригадного генерала), заместителя министра обороны Шарля де Голля, чтобы возродить способность французской нации генерировать «институционализированную харизму».

Данная функция «нации» не обязательно лежит в области метафизики, хотя и у такого ее понимания есть своя историческая традиция. Для нас важнее определение Т. Парсонса: «Харизма – не метафизическая сущность, а эмпирически наблюдаемое качество людей и вещей, связанное с человеческими действиями и установками» [Парсонс 2000, 190].

Такое понимание делает харизму не только важным средством легитимности, но и предметом эмпирического анализа. Соответственно, эффективность «нации» тесно связана с тем, способна ли она генерировать «институционализированную харизму» и создавать прочный фундамент институциональной системы.

В результате можно выдвинуть гипотезу, что для выработки «институциональной харизмы» важно формирование «наций» нравственно-этической конвенции, которая сильно влияет на формирование мотивов и моделей социального действия. В данном моменте заключается кардинальное отличие нравственного воздействия от идеологического импринтинга. Конвенция предполагает определенную органику ценностей и интересов, тогда как идеологии присваивают статус императива определенным ценностям.

Нация: интеграция ценностей и интересов

При рассмотрении функций «нации» следует обратить внимание на еще одну из них, которая непосредственно связана с легитимацией.

Речь идет о роли нации в интеграции ценностей и интересов. Данная функция выступает важным условием для того, чтобы «нация» была способна обеспечить легитимность. В процессе социального развития, тесно связанного с рационализацией различных сторон жизни, выстраивается определенная иерархия ценностей, которая влияет на формирование жизненных стратегий. Именно в процессе рационализации происходит координация между ценностями, с одной стороны и социальными интересами, с другой [Дискин 2021, 148-158]. Результатом может стать как гармонизация и интеграция системы ценностей и интересов, так и их конфликт или когнитивный диссонанс.

Генерировать «институционализированную харизму» сложно при слабом уровне интеграции, серьезных противоречиях между ценностями и социально-экономическими и политическими интересами. Рефлексия интересов, которые противостоят базовым ценностям, будет подрывать влияние ценностей.

В результате «нация» разрушится, влияние разноразличных элементов социальной структуры возрастет, произойдет подрыв социально-политической стабильности. Примеров такого рода развития событий очень много, в том числе и отечественных.

Исторически, по мере распространения рациональной социальной рефлексии в гражданском обществе Запада возникала сеть институтов интеграции ценностей и интересов: политические клубы, аристократические и интеллектуальные салоны. В ходе дискуссий их участники сопоставляли ценности и интересы, создавали идеологические тезисы – синтез устоявшихся традиций и новых идей.

Соответственно, способность «нации» к социальной интеграции под влиянием ценностей, норм и представлений можно назвать индикатором ее эффективности.

Данное утверждение имеет значение в связи с тем, что в современном развитии существует тенденция на снижение роли тех институтов, которые обеспечивали интеграцию ценностей и интересов. Дисфункция в согласовании ценностей и интересов привела к поляризации их влияния на различные сообщества. Регуляторами для одних слоев и групп становятся в основном ценности, зачастую в их аффектированном изводе, а для других – интересы, доведенные до цинизма.

Актуальность указанной проблемы повышается. Политические партии – институты, которые в условиях секулярного общества должны обеспечивать интеграцию ценностей и интересов – справляются с ней не слишком успешно. Из-за данного сбоя возникает проблема институционального функционирования.

Для решения проблемы необходимо перейти на более высокий уровень интеграции общезначимых социальных ценностей и базовых общественных интересов – сформировать упомянутую выше нравственно-этическую конвенцию. Нравственно-этическое «ядро» данных ценностей и интересов способно объединить нацию и одновременно характеризует ее. Вполне очевидно, что в секулярном мире единственным институциональным претендентом в роли «ядра» выступает «нация». Нет другого социального института, который смог бы взять на себя данную функцию. Именно характер социального функционирования «нации» возлагает на нее еще и функцию социальной интеграции.

Стоит отметить, что существует также влиятельная марксистская идейно-политическая традиция, которая утверждает, что в классовом обществе такое ядро не может существовать. Согласно ее тезисам, в ситуации противостояния классовых интересов и порожденных ими идеологических позиций не может возникнуть сочетание ценностей и интересов, которое формировало бы «нацию» как интегрированный социальный институт. Классовые интересы превалируют над национальными ценностями и блокируют возможности социальной интеграции.

История уже опровергла такого рода концептуализацию: есть множество примеров того, как внешние угрозы свободе и независимости, внутренние вызовы государственным устоям приводили к национальному сплочению, которое преодолеvalo классовые различия. Можно говорить о националистическом угаре или об ослеплении масс, но необходимо объяснить, почему данный эффект неоднократно повторялся.

Подобные проявления национального сплочения свидетельствуют, что ядро интегрированных ценностей и интересов может существовать как минимум в латентном виде. Составляющие части «ядра» проявляют свое влияние тогда, когда они остро проблематизируются и становятся доминирующими. Данная тенденция выражается в патриотическом подъеме, яркий пример которого Россия переживала совсем недавно, когда Крым и Севастополь «вернулись в родную гавань».

Имеется и альтернативная «либеральная» позиция, согласно которой интернациональное ядро можно сформировать из внеисторических, «общечеловеческих» ценностей. Институт «нации» появился в результате утраты сакрального статуса теми институтами, которые ранее осуществляли интеграцию общества и легитимацию институтов. Либералы Нового времени, которые стремились сократить роль церкви и десакрализировать монархию, всемерно содействовали упрочению «нации».

В нашем анализе вряд ли возможно обойти такую альтернативную стратегию институциональной легитимации, как глобальная «неолиберальная» гражданская религия. Статус ценностей свободы и демократии начал радикально меняться в результате мировой демократической революции, которая началась во Франции в мае 1968 года. Они стали «суперценностями», которые субординируют все остальные ценности и институциональные нормы – по сути, обрели религиозный статус [Легойда 2016].

Одновременно в ходе новой волны глобализации транснациональные компании и международные финансовые институты стремились установить глобальные институциональные нормы, которые позволили бы им комфортно вести бизнес в странах, где исторические, культурные и религиозные традиции далеки от либеральных стандартов. Ценностным основанием глобальных институциональных стандартов как раз и стали догматы новой гражданской религии⁵.

«Общечеловеческий» статус данных ценностей позволял использовать их в качестве стандарта для требований к национальным институциональным системам. Отклонение от права становилось основанием для делегитимации соответствующих режимов.

Соответственно, по мере становления гражданской религии, отношение либералов (точнее «псевдолибералов») к нации начало кардинально меняться. Они больше не желали мириться с данным институтом как с конкурентом в борьбе за монополию в оценке легитимности режимов, за установление норм государственной политики и общественной морали. В результате сегодня любые попытки анализа роли «нации» в социальном и институциональном развитии наталкиваются на обвинения в апологии национализма.

Совершенно не случайно также, что проблематика национального функционирования сегодня сфокусирована на межнациональных отношениях. В качестве альтернативы данному подходу предлагают мифологизированные суждения, но не теоретический анализ. Из-за соответствующей аналитической лакуны сузилась политическая проекция функционирования нации в качестве ценностных оснований политической системы. Плодом такого подхода служит тезис: «...политическая нация может возникнуть только в результате *выкраивания* ее центральной ценностной системы из всей совокупности ценностей, исторически и ситуативно доступных для мобилизации в целях nation-building, а также в результате *выстраивания* центральной институциональной системы с неизбежностью вторичной и служебной по отношению к центральной ценностной, поскольку ценности могут легитимировать институты, *non vice versa*» [Каспэ 2012, 60]. Из-за радикальности и концептуальной широты данного тезиса, его развернутого и фундированного обоснования необходимо подробно рассмотреть включенные в него положения.

Важно, что автор признает ценностные основания институциональной системы, ее легитимности. В то же время вызывает сомнение тезис о возможности *выкроить* ее центральную ценностную систему.

Во-первых, ценностная система в основе нации вряд ли может появиться в результате рукотворного и политтехнологического процесса «выкраивания». Данная система формируется в результате достаточно масштабных, прежде всего, исторических процессов. Рукотворное вмешательство может лишь внести в нее некоторые нюансы. В то же время попытки «выкроить» систему без учета исторических и культурных предпосылок приведут лишь к тому, что ценности, на которых предполагается строить политическую нацию, будут находиться в осаде более широкого общественного ценностного контекста. Кстати, так и происходит с нашим «либеральным» крылом.

⁵ Уместно отметить, что значительную часть идеологов глобальной неолиберальной революции составляли бывшие троцкисты, отрешившиеся от прежних идеалов мировой пролетарской революции.

Во-вторых, если игнорировать интеграцию ценностей и интересов, обращаться лишь к ценностным основаниям институтов, рефлексия противостоящих интересов будет систематически подрывать такие основания.

В-третьих, указанный подход не случайно фокусируется на формировании политической нации и изоляции процесса. Данная тенденция связана с концепцией изолированного становления государственных институтов, оторванных от более широкого контекста институционализации в целом. В условиях изоляции ценностей и интересов появляются предпосылки для идеологической мобилизации активного социального ядра, которое будет ориентировано на радикальные социально-политические ценности. Здесь уже вполне работает логика *выкраивания* нигилистического ценностного ядра.

Рассмотрим еще одну сторону интегративной роли «нации». Данный институт не только интегрирует ядро ценностей и интересов, но и формирует ориентиры для более инструментальных ценностей и норм. Таким образом, «нация», выполняя интегративную функцию, создает общие рамки и ориентиры для всей легитимной институциональной системы.

Сегодня же ее формирование идет фрагментарно. Различные элементы институциональной системы создают разнородные и разнонаправленные требования к социальным акторам. Внимательный наблюдатель может увидеть различия в ценностных подходах в основе, например, Гражданского и Трудового кодексов.

Наличие таких противоречий обосновывают тезисом об автономности ценностных оснований институтов, которые регулируют разные секторы социальной жизни. При всей справедливости этого утверждения следует признать, что такого рода автономия носит не абсолютный, а относительный характер. Иначе институциональная система не смогла бы взаимодействовать по горизонтали. Различные ее элементы вступали бы в ценностную, если не идеологическую, войну.

Для того, чтобы указанные противоречия не стали основанием для коллизий, необходимо сформировать интегрирующее ядро «общенациональных» ценностей и представлений, которое будет задавать ориентиры для соответствующих институциональных сегментов и секторов. Мы вновь приходим к пониманию, что в условиях секулярного и не слишком идеологизированного общества «нация» становится единственным институтом, который формирует необходимые требования.

Важно также учесть, что одной из функций «нации» можно назвать профилактику институциональной «ловушки» тоталитаризма. В тоталитарных рамках на «нацию» возлагают не только функции легитимации всей системы институтов, но и тотальный контроль над ней. Соответствующие подсистемы лишаются какой-либо автономности.

Тоталитарный вариант, как следует из нашего обсуждения, должен быть отвергнут не только по нравственным основаниям. Он не способен обеспечить устойчивую интеграцию ценностей и интересов. Тоталитарные идеологические устремления неизбежно создадут жесткий каркас требований ко всей институциональной системе.

Подобные стремления подкрепляются идеологической мобилизацией и репрессиями, что неизбежно ведет к конфликтам с различными слоями и группами населения, к социальной дезинтеграции. Данное соображение можно назвать аргументом в пользу гипотезы о продуктивности нравственно-этической конвенции, которая позволяет избежать идеологического прессинга.

В результате тоталитарного функционирования «нации» размываются ценностные основания институтов, снижается их легитимность и как следствие падает эффективность.

Примером такого рода национальной консолидации могут служить действия лидеров ряда постсоветских государств – прежде всего Украины. Сегодня уже можно оценить, как подобные стратегии повлияли на социально-экономическую сферу. В определенном смысле они были успешны: этнократические элиты в таких государствах сохранили

свою власть. Однако можно усомниться том, что «нация» в них успешно функционирует как социальный институт. Прежде всего пострадала ее интегрирующая функция.

Таким образом, наше обсуждение показало значение роли нации в легитимации системы социальных институтов и в интеграции базового ядра ценностей и интересов.

Также стало очевидно, что для того чтобы реализовывать данные функции, необходимо иметь регулятивную «институциональную харизму». Одновременно нет особого смысла обсуждать вопрос, в какой мере российская нация сегодня справляется с данной задачей. Вряд ли данный показатель можно назвать удовлетворительным, но данная особенность в большой степени связана с тем, что такие темы пока даже не присутствуют в общественном обсуждении. Наша задача как раз состоит в том, чтобы создать концептуальные предпосылки для заполнения лакуны. Соответственно, важно выявить, по каким причинам она появилась. Прежде всего, данный процесс связан с технократическими и бюрократическими увлечениями, которые наблюдаются во время преобразований: из-за них при обсуждении успеха трансформаций игнорируют повлиявшие на него макросоциальные условия.

Имеются и идейно-политические причины. Акторы, которые борются за идеологическое преобладание, с одной стороны, и административно-бюрократическое стремление к деидеологизации общественного дискурса с другой, хотят усиливать роль «нации», так как рост ее значения не усилит их влияние.

Имеется и еще одна причина. Рассмотрение «нации» как социального института неизбежно ведет к анализу реального вклада акторов, которые участвуют в ее функционировании. В итоге начнется пересмотр их роли и влияния разных групп. Акторы опасаются лишиться уже устоявшегося статуса. По нашему мнению, указанный фактор можно назвать значимым мотивом для блокирования такого пересмотра. Тем не менее есть надежда, что нужда в более эффективном функционировании «нации» приведет к пересмотру позиции, а также увеличит усилия, направленные на эффективную реализацию «нацией» имманентных ей функций.

Нация: отечественная специфика

В дальнейшем анализе необходимо выявить специфику российской нации. Непонимание данного аспекта мультиплицирует и без того существенные риски национального развития.

Были предприняты многочисленные попытки обойти проблему понимания специфики нации через описательные характеристики. Недостаток данного подхода, при всей привлекательности многих замечательных наблюдений и замечок, состоит в том, что он исключает из анализа институциональные характеристики.

Специфику, как представляется, возможно определять через конкретную, исторически сформированную траекторию социальной трансформации [Дискин 2021, 195]. Она создает рамки регуляторных механизмов для всей системы социальных институтов, включая «нацию».

Историческая констелляция социальных регуляторов обуславливает и отличительные особенности в структуре ценностей, норм и представлений, которые характерны для российской нации. В рамках российской траектории сохраняется высокое регуляторное влияние партикулярных ценностей, а также исторических, культурных, этнических и религиозных традиций, в чем заключается ее специфическое отличие [Дискин 2016].

Представляется, что именно подобная специфика задавала тренд развития российской классической культуры, в рамках которой активно используются темы нравственности.

Нравственная проблематика приобрела крайне высокий, почти абсолютный статус именно в отечественной культурной традиции. Данная особенность русской культуры

объясняет ее огромное влияние на мировую художественную культуру, в которой тематика нравственности не поднималась до таких императивных высот.

Соединение влиятельных, «живых» социокультурных традиций с огромным воздействием классической русской культуры обусловило еще одну важную отечественного национального развития. В нашей национальной традиции, как нигде, высок уровень нравственных требований к «родным и близким». К «близким» (не только к кровным родным, но и к друзьям, соученикам, сослуживцам и коллегам) предъявляют высочайшие по своей эмоциональной напряженности требования.

Здесь уместно упомянуть мнение такого включенного наблюдателя, как Владимир Познер. В своем интервью о различии в представлениях американцев и россиян известный телеведущий сказал: «Если в России вы знакомите человека и говорите «это мой друг», вы тем самым делаете заявление, и человек, если он русский человек, он понимает, что это не просто ваш приятель, он не коллега, а друг! И это имеет определенное звучание, что я этому человеку доверяю, что я его люблю, что он мне близок, то есть этим словом я все это говорю» [Познер 2020].

Мнение Познера подкрепляется социологическими исследованиями. В ходе опроса ВЦИОМ был задан вопрос: «Существует ли «русский характер» – набор черт, характерных для большинства русских людей?» В данном вопросе общественность практически приходит к консенсусу. Более двух третей респондентов (70%) считают, что существует. Чаще данного мнения придерживаются люди в возрасте 35–44 лет (78%). Среди черт «русского характера» те, кто признает его наличие, выделяют в первую очередь доброту, душевность и эмпатию (32%). К чертам «русского характера» относят также мужественность, упорство, стойкость, целеустремленность (23%), терпимость и безотказность (18%), взаимовыручку и товарищество (14%). Патриотизм, гордость (13%), честность, искренность (11%), оптимизм (9%) – по мнению участников опроса, данные положительные качества свойственны большинству русских людей [ВЦИОМ 2020]. Указанные результаты подтверждают тезис о том, что на специфику российской нации оказывают сильное влияние партикулярные ценности [Дискин 2016].

Приведенные выше данные вполне подкрепляют наши суждения о специфике российской нации. Тем не менее в рамках дискуссии об институциональном ее измерении следует выделить и специфические механизмы ее функционирования. Частью системы воспроизводства российской нации служит, например, такой уникальный социальный институт как «кухня», где не столько готовят, сколько «говорят по душам». Следует также отметить, что «разговоры по душам» выступают незаменимым инструментом воспроизводства нравственных стандартов. Они постепенно задают нравственные ориентиры в расширяющихся социальных средах и влияют на конфигурацию ценностного и нравственно-этического «ядра» нации.

Ключевое звено упрочения легитимности

Изложенные выше представления создают предпосылки для поиска путей повышения эффективности «нации». При этом важно учесть специфические особенности современного функционирования данного института.

Необходимо принимать во внимание то, как меняется влияние социальных агентов, которым принадлежит легитимное право устанавливать ее нормы и правила. Данная проблема имеет особое значение для «нации», где авторитет лидера в большой мере влияет на ее характер. Именно поэтому Макс Вебер уделял такое внимание харизме и ее источникам. Соответственно, и историки, и политологи традиционно фокусируются на роли национальных лидеров. Экстремальным выражением данной роли становились различные рода волонтаристские концепции.

В последние десятилетия (с 1968 г.) в странах Запада снижается роль общезначимых национальных лидеров. Сказались тенденции демократической революции, которые выражаются в разрушении механизмов формирования и признания авторитетов. Свою немалую роль в развале системы авторитетов сыграли также нормы Сети. Все акторы в Интернете априорно равны, вне зависимости от их квалификации и практического опыта. Огромное влияние приобрели блогеры, которые эксплуатируют мифы и аффекты массового сознания.

Важным фактором также стало то, что адепты нелиберальной гражданской религии стремятся делегитимизировать любые ценности и представления (в том числе и «нацию»), которые расходятся с догматами их «религии».

Данные тренды негативно сказались, прежде всего, на неформальных институтах, включая «нацию». Их ценности, нормы и представления размывались, их регуляторность снижалась.

На Россию указанные тенденции также повлияли. Результатом стала сегментация общества по самым разным основаниям. Сегменты стали ориентироваться на локальных лидеров⁶. Симптоматично, что даже признание «фолловерами» кого-то в качестве лидеров вовсе не означает, что они следуют мнениям и суждениям своих «лидеров» в социальной жизни.

Указанные факторы выступают значимым барьером и вызовом для консолидации «нации». Налицо риски того, что влияние ее нравственно-этического ядра может снизиться.

Нужно, например, признать, что слабость его влияния привела к тому, что при оценке знаний школьников нельзя полагаться на нравственные барьеры родителей, учителей и самих учеников. В результате появилась необходимость в «объективном» ЕГЭ, который исключает «человеческий» фактор.

Можно сделать вывод, что повышение роли нравственно-этических регуляторов основательно влияет на рост эффективности «нации».

Отметим, что попытки идеологической консолидации были бы контрпродуктивны. Они бы привели лишь к росту социально-политической напряженности и падению влиятельности общенациональных представлений.

Стратегия поэтапной нравственно-этической консолидации выглядит более реалистичной. В ее рамках важно выстроить конвенцию нравственно-этических представлений, которые смогут объединить большинство авторитетных общественных лидеров. Речь не идет о «консенсусе», который вряд ли достижим в современном разобщенном обществе. Если отсеять радикалов разного толка, которые считают нравственные уступки недопустимыми, можно достичь «конвенции большинства» на основе латентных нравственных представлений россиян.

Анализ показывает, что российское общество можно назвать вполне здоровым – оно обладает достаточно консолидированными нравственными оценками [Петухов 2015]. Тем не менее, многие люди не считают возможным действовать с опорой на свои нравственные представления из-за опасений о том, что «другие» корыстно этим воспользуются. Рассматриваемая стратегия нацелена, прежде всего, на преодоление подобных опасений, упрочение в массовом сознании норм морали.

Конвенция, которая базируется на «живых» нормах и традициях россиян, кардинально отличается от пресловутого Морального кодекса строителей коммунизма, который воспринимался как идеологизированная догма и был отторгнут именно из-за своего статуса, а не из-за включенных в него моральных норм.

Общественные лидеры в результате совместных усилий могли бы разработать документ, который выражал бы их согласие по корпусу норм и ценностей, объединяющих

⁶ Согласно данным социологических, большая часть соответствующего социального сегмента считают своим лидером президента В.В. Путина (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rozhdenija-rossii>).

общероссийскую нацию. Сам факт такого согласия между лидерами с кардинально разными взглядами мог бы стать значимым импульсом для объединения.

Затем уже стало бы возможным продвигать общие нормы в массовое сознание. Вряд ли процесс станет простым и быстрым. В ходе общественной дискуссии могут быть предложены иные пути повышения регуляторного влияния общенациональных норм и ценностей. Главное, нужно двигаться в этом направлении. Данная статья приглашает к дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ. (2020) Русский характер. Социологическое исследование. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkij-kharakter>).
- Дискин И.Е. (2016) Институты: загадка и судьба. М. Политическая энциклопедия.
- Дискин И.Е. (2016) Консервативная модернизация М.: Политическая энциклопедия. 2021.
- К. Маркс. (1955) Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс. Ф. Энгельс. Сочинения. Второе издание. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Каспэ С.И. (2012) Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН.
- Легойда В.Р. (2000) Религиозность в безрелигиозную эпоху // Альманах «Альфа и Омега». № 1 (23), 2 (24), 4 (26). (<https://religions.am/wp-content/uploads/2017/05/>).
- Манойло А.В., Стригунов К.С. (2020) Делегитимизация выборов: новые технологии организации государственных переворотов от Лиссабона до Владивостока, от Каракаса до Минска. Доклад. Москва.
- Миллер А. (2020) Нация или могущество мифа. Публичная лекция polit.ru. 06 июля 2020. (<https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth>).
- Парсонс Т. (2000) О структуре социального действия. М.: Академический проект.
- Познер В. (2020) Владимир Познер – о «дружбе» в России и в Америке. Интервью. Познер Online. (<https://pozneronline.ru/2020/08/28987/>).
- Российский прорыв и задачи гражданского общества (2019). Специальный доклад. Общественная Палата Российской Федерации.
- Тишков В.А. (2010) Российский народ. Книга для учителя. М.: Просвещение.
- DiMaggio P., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48, No. 2. P. 147-160.
- North D.C. (1990) Institution, Institutional Change and Economic Performance. С.: Cambridge University Press.
- Shils E. (1975) Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago.: The Univ. Chicago Press.

REFERENCES

- DiMaggio P., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. vol. 48, no. 2. pp. 147-160.
- Diskin I. (2016) *Instituty: zagadka y sudba* [Institutions: Mystery and Destiny]. Moscow: Political encyclopedia.
- Diskin I. (2021) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization] Moscow: Political encyclopedia.
- Kaspe S. (2012) *Politicheskaya teologia i nation-building: obchie pologenia, rossiyskiy sluchay* [Political theology and nation-building: general provisions, Russian case]. Moscow: ROSSPENG.
- Legoida V. (2000) Religiznost v bezreligioznuyu epohu [Religion in the Non-religious Era]. *Al'manah Alfa i Omega*. vol. 1 (23), 2 (24), 4 (26). (<https://religions.am/wp-content/uploads/2017/05/>).
- Manoilov A. Strygunov K. (2020) *Deligitimizatsiya Vyborov. Noveye tekhnologii organizatsiy gosudarstvennykh perevorotov ot Lissabona do Vladivostoka, ot Karakasa do Minska* [The Delegitimization of Elections. New Technologies for Organizing Coups from Lisbon to Vladivostok, from Caracas to Minsk]. Report. Moscow.

Miller A. (2020) *Naziya ily moguchestvo mifa* [The Nation or the Power of Myth]. Public lecture. Polit.ru. July 6, 2020. (<https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth>).

North D.C. (1990) *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Parsons T. (2000) *O structure socialnogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Pozner V. (2020) *Vladimir Pozner – o «druzhbe» v Rossii i v Amerike* [Vladimir Pozner about the Friendship in Russia and America]. An Interview. Pozner Online. (<https://pozneronline.ru/2020/08/28987/>).

Rossiyskiy Proryv y zadachy grazhdanskogo obchestva [Russian Breakthrough and the Challenges of Civil Society] (2019). Special report. Public Chamber of the Russian Federation.

Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago.: The Univ. Chicago Press.

Tishkov V. (2010) *Rossiyskiy narod. Kniga dlya uchitelya* [The Russian People. A Book for a Teacher] Moscow: Prosvecheniye.

Об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, ул. Воронцово Поле, 1. E-mail: Idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics). Leading Expert, Institute for Applied Political Studies of Higher School of Economics University. Address: Vorontzovo pole 1. Moscow. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 10.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 03.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 10.08.2021